

КРОКОДИЛ

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПАРАД

- Интересно, это какая часть?
- Только незначительная.

Рис. М. Черемных

К 556/41Г

Журавли

Над первомайскою Москвой
курлычат журавли.
Глядит журавль передовой:
не узнает земли.

Большие площади Москвы,
как маки, расцвели.
Алеют реки мостовых,
двигаются журавли.

Но громче, чем оркестров гром,
куда ни залетай,
вверху, внизу — со всех сторон
раскат железных стай.

Они летят вблизи, вдали,
как журавли весной.

Но нет! Быстрее чем журавли
и лучше держат строй!

Вот, как орел, большой корабль
над башнями Москвы.
Вдохнул передовой журавль
и думает: «Увы!»

Как жаль, что молодость прошла
меж тинистых зыбей.
И журавлиные крыла
становятся слабей.

О, если б молодость моя
вернулась вновь могла!
Не думая, пошел бы я
учиться на орла!»

С. БОЛОТИН.

Москва - матушка

МЫ ВОЗВРАЩАЛИСЬ с первомайской демонстрации.

Никогда нельзя знать, какой погодой подарит тебя московская весна, но дело было не в погоде, а в хорошем настроении, которое владело нами и особенно одним молоджавым гражданином, с довольно распространенной фамилией—Иванов.

И как это всегда бывает в день 1 Мая, мы обращали особое внимание на родной город, на столицу—матушку-Москву.

Разговор зашел о переменах, которые произошли со старой Москвой за последние пять—шесть лет. Москвич с распространенной фамилией (Иванов), ухмыляясь собственным мыслям, сказал:

— Все-таки вряд ли кто-нибудь другой ощутил так эти метаморфозы, как ваш покорный слуга, то есть я.

Не теряя времени, он овладел всеобщим вниманием и приступил к рассказу:

— Понадобилось мне однажды свидетельство о рождении, короче говоря,—метрика. Я, надо сказать, человек не старый, девяносто четвертого года рождения, коренной москвич, но свидетельства о рождении у меня, как ни странно, не оказалось. Свидетельства такие, как известно, выдавали в наше время служители культа, то есть, короче говоря, попы... Как водится, на семейном совете одна поч-

тенная родственница дала мудрый совет: крестили тебя, мол, в церкви Параскевы-пятницы, вот, мол, исходная точка—ищи.

Кто-то из нас искренно рассмеялся.

— Погодите. Посмеялся и я. Вот тут, в Охотном ряду, стоял храм охотнорядских купцов — церковь Параскевы-пятницы, которую московские остряки окрестили «Параскевой-пьяницей». Да мало ли что тут было!.. Напротив, например, торговали соленьями и вареньями, а рядом, где я не так давно брал кетовую икру, теперь станция метро. Разумеется, я знал, что Параскевы-пятницы уже нет в природе, и куда девался отец Иона Свекловидов, опять-таки неизвестно. «Как же все-таки быть с метрикой?» — рассуждаю я, направляясь в метро, стал, стою и думаю. Поднимаю глаза и вижу, над дверями как нарочно написано: «Нет выхода». Врешь, говорю себе, есть выход. Да ведь отец Иона на Яузе жил, Устинский переулочек, 6! Двухэтажный дом с мезонином, на углу аптека. «Есть выход!» — сказал я себе и поехал на Яузу. Под'езжаю. Не был я в этом районе года два. Ну, Яуза, кто ее не знает? Воды чуть-чуть, и так вода больше для запаха. И вдруг, что за чорт! Река как река, набережная из гранита, и по Яузе — вы подумайте! — по Яузе прет себе паровой катер и тащит три баржи с кирпичом!

И вот иду по набережной, прошелся раз, другой — не нашел Устинского переулка. А

ведь был переулок, был! И аптека была на углу, я сам два года назад горчишники покупал и с кассиршей поспорил. А сейчас ни аптеки, ни кассирши! Ищу двухэтажный дом, светленький с мезонином, в первом этаже еще кот лежал, серый такой с бантом, сибирский кот! Какой там кот! Самого переулка и в помине нету. Стоит какой-то серый забор, за забором почти что готовый домик, десять этажей, сорок два балкона. Мне все-таки надо метрику, отца Иону надо дозарезу! Стою и рассуждаю и сам не соображаю, что рассуждаю в полный голос. И вдруг слышу: «А, так и вы сюда?» Оглянулся, стоит позади меня полный такой гражданин, мохнатый, и держит в руках бумажонку, спрашивает: «—Вы к отцу Ионе?» «—К нему». «—За метрикой?» «—За нею». И вот стоим мы оба: ни метрики, ни отца Ионы, ни дома номер шесть, ни переулка. «—Послушайте,—говорит полный гражданин,—вот у меня адресок, говорит вам что-нибудь фамилия Сыроваров? Гражданин Сыроваров, домовладелец в прошлом, фабрика макаронная, был он церковным старостой в той самой церкви, где отец Иона священствовал. Понятно вам? А вот и адрес Сыроварова: бывшая Тверская, дом 24, квартира 4. Поехали?» Поехали.

Приезжаем на бывшую Тверскую, ходим, ходим, и вдруг говорит мне мой спутник: «—А ведь мы с вами олухи! Какой тут может быть дом 24, когда второй год на его месте

стоит корпус «В» и там, где проживал Сыроваров, по моим расчетам, помещается коктейль-холл!» «—Правда, говорю, святая правда». «—Однако не унывайте, — говорит мой спутник, — есть у меня еще один адресок. У регента, что на Устинском в мезонине над отцом Ионой проживал, жила в домработницах одна старушка по имени Степанида. Так вот мне известно через справочное бюро, что она старушка Степанида живет в данное время у брата, брат ее вахтером в глазной больнице». Сели в автобус и доехали до глазной больницы. Вылезли, я и говорю моему спутнику: «—Вот на этом углу...» — и язык у меня отнялся. Никакой больницы на углу нет, опять забор, а перед забором стоят люди. Представьте, в переулке как-то не по-человечески стоит глазная больница, не вдоль, а поперек переулка, да и к тому же не на своем месте. Двести лет стояла на своем месте, а теперь, оказывается, уехала вниз по переулку с больными, с докторами, с вахтером и старушкой Степанидой. Сунулись мы в больницу, нам и говорят: «приходите завтра, приедем на место, на новоселье с вами разберемся. Ну, что же... Пришлось придти завтра. Нашли мы старушку, выходит к нам вся в слезах и говорит: «Братец мой двадцать шесть лет служил вахтером, проснулся нынче утром на новом месте и видит против окошка не магазин «Радиотехника», а театр для детей. Прямо закачался старик...»

Все-таки сказала нам, как найти Сыроварова. «Поезжайте, говорит, на троллейбусе в Химки, там разыщите дровяной склад номер 81 и спросите Сыроварова». Спросили ее из любопытства, где обретается ее хозяин, бывший регент синодального хора. «Он, говорит, давно не регент, а инструктор самодеятельности клуба зубных техников». Ну, тут мы повеселели. Все-таки ниоткуда есть, быть нам с метриками. Поехали на троллейбусе в Химки, разыскали 81-й дровяной склад, спросили заведующего Сыроварова. «Он далеко не заведующий, говорит, а просто сторож, и найдете вы его, где сторожу полагается быть, в будке». Пришли к Сыроварову, подошли осторожно, чтобы не спугнуть, объяснили наше дело. Оказался довольно словоохотливый старичок, такой, знаете, общественник, выпускает газету «За сухие дрова», о прошлом, разумеется, ни звука, «Представьте, — говорит Сыроваров, — отца Ионы я года два не видал, но живет он тут, поблизости, неподалеку от речного, тут имеется выгон, а у самого выгона стоит такой одноэтажный дом, деревянный с антенной». Ну, тут, понимаете, у нас полная радость, пошли мы, как он нам показал, ходили, ходили, искали дом с антенной, порядком утомились и решили выпить пивка. Попался нам буфет-американка. Буфетчик какой-то нерасторопный, правда, в летах, но уж очень нерасторопный, пока ходил за пивом, то да се, тут и стемнело. Задело это меня, я и говорю буфетчику: «—Где ж это у вас сервис, пока вы нас маневжили, стемнело. Как мы теперь найдем гражданина, которого претий день ищем?» Буфетчик отвечает: «—А кого вы ищите?» Рассказали ему, что ищем выгон, а у выгона дом с антенной. Буфетчик как затрясется: «—Да что вы, говорит, в уме! Нет, говорит, никакого выгона и дома. Сейчас над этим самым местом водохранилище канала Москва—Волга, глубина двадцать два метра, а по бокам трибуны — водная станция! Так что придется вам выехать на середину водохранилища и знакомого вашего из-под воды добывать. А кстати, как его фамилия?» Отвечаю: «—Иона Свекловидов, священник церкви Параскевы-пятницы». Как я сказал это, так и не стало буфетчика. Прямо, чудо какое-то! попрощался я с моим спутником и поехал домой в полном мраке. Нету у меня метрики. Но настроение хорошее, вроде как сейчас пришла мне в голову мысль: Москва-магушка, Москва-столица, живем мы, носимся по тебе и временами сами не замечаем, что у нас под носом делается. На месте Параскевы-пятницы — гладкий асфальт, на месте болота Яузы — судорожная река, на месте старенького дома с мезонином — девятиэтажная громада... Москва-магушка — здесь дома с места на место ездят, на том месте, где был выгон, — водная станция, и даже вместо отца Ионы Свекловидова — буфетчик американки! А вы говорите — метрика! Где ж ее взять?

Л. НИКУЛИН

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫВОД

Рис. К. Елисеева

— Эх, если б только этот один у нас на заводе и был..
— Тогда и его бы здесь не было!

Ч а с о в щ и к и д о я р к а

Я давно бродил за нею,
Размышляя на ходу.
Думал:
«Я — да оробею?
Я — да к ней не подойду?!»
Не найти в районном центре
Мастеров моей руки.
Я чиню на сто процентов
Хоть часы,
А хоть замки.
Подхожу
И — между прочим —
Говорю ей:
— Что за вид!
Что за брови!
Что за очи!
Говорю: Пригожа очень!
— Неплохая! — говорит.
И глядит — и горя мало.
«Фу ты, — думаю, —
Смела!..»
Прямо в душу мне запала,
Прямо за сердце взяла!

Я про жизнь про городскую.
Я и эдак,
Я и так.
Только, вижу, —
Ни в какую!
Не сдает
Ни на пятак.
Как же так?

Ведь я же мастер!
Колочу с досады в грудь.
Отвечает:
— Ваше счастье,
Но и я не кто-нибудь.
Я к соседям:
— Кто такая?
Высоко ли, мол, парит?
Говорят:
— Передовая!
(Фу, ты, чорт!) —
Коров доит.

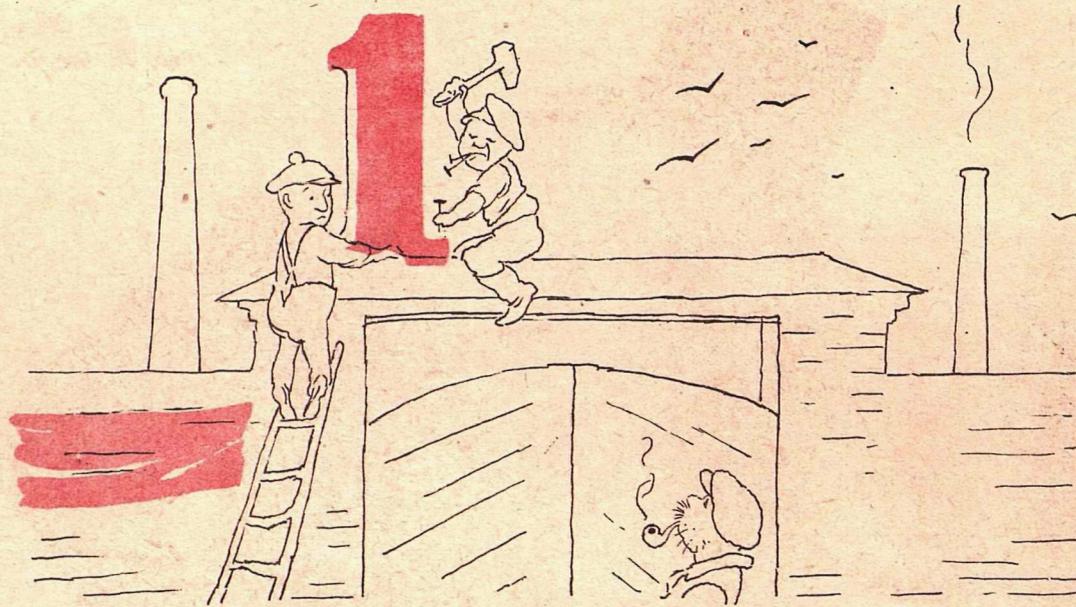
Зиму не был на народе,
Но покоя нет нигде,
И при первой же погоде
Я опять — к своей природе:
К солнцу,
К воздуху,
К воде.
Вышла в шубке-коротайке...
Что, смотрю, с такой не жить?
Загляденье — молодайка!
Будет славная хозяйка,
Если руки приложить.
Это дело — из деревни!
И решил я вечером
Отвести ее к деревням,
Перемолвиться ладком.
* * *
— Хочешь стать моей женою?
Я гарантию даю:

Будешь в городе со мною
Как царица,
Как в раю.
Утром — кофей,
Гусь к обеду,
Коньячок перед борщом...
А она мне:
— Не поеду!
Мне в колхозе хорошо!
Говорит:

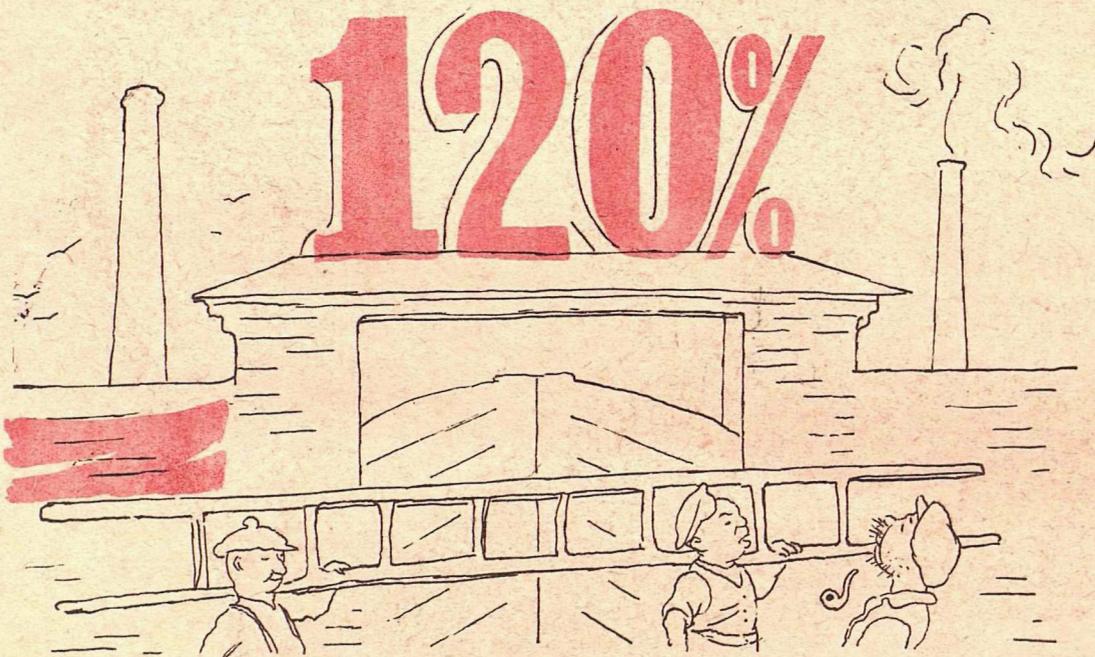
— Я не голубка,
Чтобы с первым улеть...
Ах, ты шубка-душегубка,
И куда мне горе деть?
Смех?
Да мне-то не до смеха.
Не могу никак понять:
Чтобы в город да не ехать,
От земли
Да не бежать!
Видно, жизнь переменилась,
По другим путям пошла,
Если эдак загордилась.
Кто? Подумайте на милость!
Кто? Доярка из села!
Если я, районный мастер,
Стал в селе,
В краю глухом,
Для девчат не первым счастьем,
Не первейшим женихом!

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Рис. Б. Пророкова

— К Первому мая готовитесь?

— Да, к Первому мая!

Мальчик и тетя

Что злободневного в старинном анекдоте
О мальчике и тете?
А вот послушайте.

Грязнуле-мальшу
Мамаша молвила: «Прошу,
Помой сегодня шею, Мотя:
Должна приехать тетя».
Мальш, однако же, был вовсе не дурак!
Боясь попасть впросак,
Он ей в ответ сквозь зубы цедит:
— А если тетя... не придет?!

Так многие директора
Вывозят мусор со двора
Лишь в крайнем случае... Ну, скажем, только
ради

Их ревизиющего «дяди»!
А зря, без повода, почиститься им лень...
Ах, бяка-мальчик! Ах, проказник!
Где это сказано, что шею моют—в праздник?!
Рискни помыть и в будний день!

Э. ЯКОВЛЕВ.

Решающая ПОДПИСЬ

НИКТО уже не помнит, как Иван Шитов попал в сотрудники редакции. Но многие помнят, что его сразу назначили литредактором.

Многие помнят также, что вскоре его освободили от этих обязанностей за апломб и укorenившуюся безграмотность.

Перевели тов. Шитова на освобожденную работу в местком. Оттуда изгнали его за зажим критики, отсутствие самокритики и за тот же апломб.

И Шитову поручили работу с начинающими авторами, поскольку на подобную деятельность редакции отпускаются некоторые суммы и тратить их надо.

Здесь Шитов застрял. И на много лет. Получает заработную плату и важно поучает авторов устно и письменно:

— Не пойдет. Получилось у вас не то. Так писать нельзя. Читайте побольше Пушкина, Гоголя, Маяковского и Степана Дрыгу (последний был любимым поэтом Шитова).

Местных авторов Шитов обычно вызывает к себе в редакцию, но в те часы, когда в редакции никого нет и никто не услышит его проповедей. Оставаясь один на один с трепещущим начинающим, Шитов садится за большой редакторский стол, берет цветной карандаш, хмурит чело и изрекает истины.

Однажды ранним утром Шитов сидел за редакторским столом и ждал очередную жертву. Жертва явилась в виде молодого человека в скромном пиджаке. Шитов в это время от нечего делать читал рукопись, лежавшую на редакторском столе. И оказалось, что эта рукопись принадлежит молодому человеку.

— Ага! Значит, вы это написали? Что же вы пишете, дорогой товарищ! Разве можно так писать о наших бойцах и командирах? Что у вас написано черным по белому: «Четыре дня мы продвигались почти без всякого отдыха. В одном полусожженном домике мне попало стеновое зеркало, и я взглянул на себя. Признаться, я себя не узнал. Лицо покрылось грязной щетиной...» Что же это такое? Разве так выглядят наши бойцы?

— Но надо учесть боевую обстановку. Мы гнали врага и спешили...

— Это—не оправдание! Не перебивайте! Читайте дальше: «Мы лежали на льду озера. Впереди чернел остров, откуда противник вел неистовый шквальный огонь. Снаряды пробивали и крошили лед, вода выступала на поверхность и подмерзала под нашими телами. Наша артиллерия подготавливала атаку. Хотелось смертельно спать...» Как это прикажете квалифицировать?

— Читайте, пожалуйста, дальше.

— Что—дальше? Все ясно. Так не бывает.

— Прочтите дальше.

— Извольте, если вам угодно: «Когда остров был занят, то оказалось, что все основательно промокли; в валенки набралась вода, и они промерзали насквозь...» Так может говорить только человек, не побывавший на фронте. Почему бойцам не выдали немедленно сапог?

— Для этого, во-первых, надо было попросить противника прекратить огонь из минометов. И, во-вторых, обоз в атаку не ходит.

— Не учите меня. У вас ярко выраженная тенденция искажать действительность. Вы компрометируете наших бойцов и командиров. Ваша рукопись напечатана быть не может.

— Странно,—сказал молодой человек,—в полученном от вас письме вы пишете: «Уважаемый товарищ! Мы с удовольствием напечатает вашу рукопись, тем более что ее автор—сам участник описанных вами событий...» Я зашел по приглашению редакции и не понимаю...

Но Шитов не растерялся: он решительным жестом взял письмо редактора из рук автора и, небрежно взглянув на него, произнес:

— У нас с редактором разные вкусы.

Рукописи определенно повезло: она увидела свет. Но часто бывает иначе: нередко подпись Шитова бывает решающей.

М. ЭДЕЛЬ

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Рис. Л. Бродаты

— Ого! Откуда денежки, Пьер?
— Нашел работу.
— Временную?
— Постоянную! Служу в марсельском суде свидетелем против коммунистов.

Служебные отметки

Обычай знаем: в праздник не ругают,
Но все же мы даем совет уместный:
Горшки совсем не боги обживают,
А надобно самим из глины местной.

КРОКОДИМ.

Служебные отметки

А здрiвствуйтi мiсцi зi народi
А здрiвствуйтi бi народi.
Мiсцi зiмiну зi нiдмiе
И кораблi не здрiвствуйтi.
Кораблi Елiсаветi Англiйскаго

1835+

ПЕРЕДАЧА ПЛОВЦУ

СЕМЕНУ БОЙЧЕНКО =

ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБИТИЕМ МОЕГО МИРОВОГО РЕКОРДА =

= СЕМЕН БОЙЧЕНКО =

Служебные отметки

От на экранах. Видят все все.
И каждый скажет:
— Это здорово!
Привет Черкасову/Сергею/
От всех удивленных Сибиряков.

Служебные отметки

В вашем запросе значится:
Внести немедленно отбыть окладные.
По маршруту сделать маршрут,
Ливанам — подробно.

Крокодилам.

ПЛАТА

Отметки особого вида

Куда Москва

Кому Начальнику управления автобусов
транспортной машинного завода
Совета товарищину Шайдакову

Поздравляем праздником т.ч.н
Вашим успешном рублеводстве
нашего болду пришло т.ч.н

Пешеходы.

Первомайские

История одного иска

ПЕРЕД народным судом стоит гражданин Черепанов, шестининый человек лет пятидесяти. Недавно у него сгорели шевиговые брюки и пиджак. Черепанов предъявил иск к колхознику Матвею Сизых: хочет получить пятьсот сорок три рубля.

— У меня,— сиповато говорит Черепанов,— три взрослых дочери, и выражаться нецензурными словами или пить водку и безобразить— это я со стороны своих клиентов не допущу никогда.

— Это какие клиенты?— недоумевают председатель суда.

— Дочери мои так их прозвали,— ухмыляется Черепанов.— Какие они клиенты! Пыль, а не клиенты! Я ведь родом-то из Максатихи, и, почитай, все тамошние мужики, когда приезжают сюда на базар или по другой какой надобности, то просятся ко мне ночевать. Конечно, всех я к себе не пускаю, но если хорошо мне знакомые мужики, то...

— Мужиков теперь как будто нету,— негромко произносит длинный черноволосый человек с насмешливым лицом—это колхозник Матвей Сизых, к которому предъявлен иск.— Мужики были до советской власти. Теперь полноправные люди— колхозники.

— Что же,— спрашивает председатель,— вы получаете с клиентов плату?

Черепанов безнадежно машет рукой:

— Я ж пускаю не из интереса, а по человечности. Ведь не погоним их середь ночи на улицу. А они и самовар просят, и яшню сжарить просят, и то, и это... Конечно, некоторые понимают, что расходуешь: одного угля в самоваре сколько пожнешь. И который рубль даст, который полтинник, а который и спасбочком платит.

Матвей Сизых кашляет и, поднявшись со скамьи, громко говорит:

— За постой он два рубля с души берет, а если с лошады, то еще за лошадь рубль плати. За самовар особо— рубль с души. Он с одного самовара по двадцать рублей за вечер выручит. А накануне базара— и все пятьдесят.

— Но почему вы у него ночуете?— удивляется председатель.— Ведь есть заезжий двор, есть Дом колхозника...

— Заезжего двора, товарищ председатель, никакого нету,— возражает Матвей.— Это только вывеска болтается, что заезжий двор: там Утильсырье склад себе сделало. А в Доме колхозника пускай заведующий ночует. Если бы это был дом, как вон в Елистратовке или Васятах. А то как в трубу ложишься: холодно, темно и весь исчешешься: кусачей скотины там больно много. А захотел пить, так во двор иди к колодцу. Вот бы вам, товарищи судьи, где контроль надо сделать.

Председатель утомленно машет рукой и, обратившись к Черепанову, говорит:

— Расскажите, как было дело.

Черепанов рассказывает:

— Этого человека я знаю давно: мы, можно сказать, с ним погодки. Как я уже изложил в заявлении, он элемент с пятном: до самого тридцать шестого года был одиноличником.

— А ты чистый?— разгневался Сизых.— Ты об себе скажи, какой ты есть элемент.

Председатель постучал по столу: пусть Матвей Сизых пока помолчит, послушает.

— И человек он совершенно отсталый,— продолжает Черепанов,— и, конечно, никаких политических разговоров я с ним никогда не вел.

— Ишь ты!— снова вознегодовал Сизых.— А кто мне побаски разные про колхозы рассказывал, когда коллективизация началась? Ты мне, грыжа, эти побаски рассказывал и голову мне мутил...

Председатель рассердился.

— Ладно, ладно!— торопливо проговорил Сизых.— Молчу! Прошу прощения: душа трещит, когда его слушаю.

Черепанов продолжает:

Служебные отметки

А не ли у вас еще чего
нибудь новенького?

Театр Ленсовета

ИЗДАНИЕ СССР
СВЯЗИ - ТЕЛЕГРАММА

Из № _____
го ч. м. пор. № _____

Адрес: Греция, Драча-
буруу Аристофану,
Пятый век до на-
шей эры.

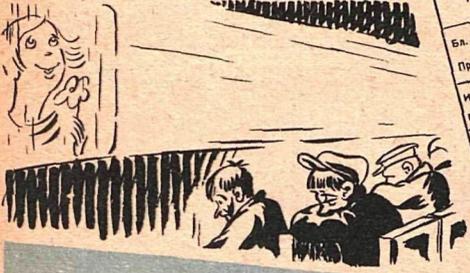
Служебные отметки

ИЗОБРАЖЕН В КАРТИНЕ ВЕРТОЙ.
БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА ПОРТРЕТ,
ГДЕ МУЗ ВОСПИТАНИК ПРИБИРНЫЙ
ОДЕТ, РАЗДЕТ И ВНОВЬ ОДЕТ.

А. ПУШКИН.

ИЗДАНИЕ СССР
СВЯЗИ - ТЕЛЕГРАММА

Имя _____
Фамилия _____
Адрес: Ленинград,
П. БОНЧАЛОВСКОМУ

ПРИЕМ

№ 12

ПРИНЯТ ПОДАВЛЕНИЕМ

Поздравляем блестящим фильмом -

**ЗА НЕНАХОЖДЕНИЕМ
АДРЕСАТА
ТЕЛЕГРАММА НЕ АДРЕТОВАНА**

А Ч А АВТОРИМ
ВЕСЕЛОЙ КИНОКОМЕДИИ

ПЛАТА

ИЗДАНИЕ СССР
СВЯЗИ - ТЕЛЕГРАММА

Отметки особого вида

Куда: *Директору техникуму*
Александровского района
театра

Кому: *Давыденко не был в вашем театре*

Аннилаг

ИЗДАНИЕ СССР
СВЯЗИ - ТЕЛЕГРАММА

Верни, я всё прощу.
Издательство

Адрес: Автору
Вяземскому
аванс

ИЗДАНИЕ СССР
СВЯЗИ - ТЕЛЕГРАММА

Отметки особого вида

Куда: *Тарку Кульбурин и семьи*

Кому: *Вся глас*

Текст: *Евменас Ступка*

телеграммы

— А в тот самый раз разговор зашел о второй империалистической войне. Он, Сизых, сидел у меня с бабами и говорил об войне. Я не стерпел, потому что не люблю, когда кто, извините, с свиным рылом лезет в калашный ряд. Ты не в конюшне, а в приличном частном доме и не выказывай своего невежества. Я сделал ему замечание раз, сделал два, а он стал меня оскорблять и даже выражаться. А у меня три взрослых дочери, и слово за слово говорю ему: «Вон! Сейчас же вон из моего дому!»

— Никаких слов я тебе не говорил, — возражает Сизых. — Единственное, что сказал: «В твоей голове, Андрей Семеныч, вентиляции нету». А когда ты мне оскорбление в самое сердце сделал и когда я шапкой об стол ударил, то, может, я и еще какое крутое слово сказал, но только несколько не выражался. А насчет шапки — это правильно. Только в лампу я и не целил совсем. Она от содрогания на сундучок колтыгнулась. А что на сундучке брюки и пиджак лежали, я этого не видал. И как они там от керосина вспыхнули, я тоже не интересовался, потому что у меня волнение, товарищи судьи, получилось. Не от того волнение получилось, что он меня с квартиры гонит, а от того, что он колхозу такое оскорбление сделал.

— Какое оскорбление? — спрашивает председатель.

— Видишь ли ты, — горячо заговорил Сизых, — про мое пятно это он правильно сказал. Нашему колхозу уже двенадцать лет, а я туда до самого тридцать шестого года не шел.

И у нас с Черепановым сочувствие было. Пьем, бывало, с ним чай и мечтаем: а вот скоро колхозы кончатся, вот скоро частную торговлю разрешат. Человек я был совсем темный, закруженный. А потом все-таки в колхоз пошел. Пошел и мало-помалу задыхался. Прояснилось мне все, будто вдругорядь родился. И хоть и считают меня в колхозе так вроде ниже среднего, а я все вижу, и все понимаю, и даже наперед много хорошего угадываю. Ну, а с Черепановым-то все-таки нет-нет, да и свихнусь. Приеду сюда, в Гуштин, и прямо к нему, у него и ночую. Только он уже прежнего разговора со мной не заводил, потому что я на его разговоры скучал и даже ноль внимания. Так вот в тот раз, когда я к нему приехал, у него три наших колхозницы сидели, чай пили. И я, конечно, сел. Сперва все уважительно было, тихо, благородно. Женщины про текущие дела промеж себя говорили. Потом как-то на войну разговор сошел. Грибанова Марья сидит и говорит: «С нами воевать никакая держава не осилит. Если будет война, то весь народ так против той державы оскалится, что и дышать ей не даст». Анисья Гераскина тоже тут сидела и тоже говорит: «Ребятенки малые вон в парашютистов играют». Одним словом, сидят эти бабы и об жизни толкуют. А Черепанов-то куда-то такое все гнет и загибает и выражает свое глупое недоверие и насмешку к словам наших женщин. Слушаю я этот разговор, и у меня внутри закипает, закипает. Говорю: «Вот что, бабы, вы полусту с ним не спорьте. Даже мне в тошноту вас слушать. Бросайте этот разговор!» А Черепанов вроде обрадовался:

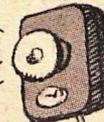
«Вот, говорит, послушаем Матвея Евсейича. Он нам скажет свое трезвое слово...» И глядит на меня с сочувствием, будто мы с ним ушат да лейка. «Мое, — говорю, — слово будет такое: они положение хорошо понимают, а ты, Андрей Семеныч, человек неработный, одиачный, и в твоей голове вентиляции нету, совет тебе хороший дам: ты в политический разговор с колхозным человеком никогда не встривай...» А он мне с насмешкой: «Твое, говорит, дело цыц! Одна, говорит, бомба с аэроплана — и у тебя изо всех мест цикория потечет и забудешь про свой колхоз и скажешь «Папа-мама!»... У меня тут даже помутнело: «Стало-ть, говорю, я подлый человек, а? Стало-ть я есть предатель, что от бомбы сознательность потеряю и цикорию пушу?» А он: «Не кричи, дурак! Что я не знаю вас, что ли, деревенщину дикую...» Ну, тут я, действительно, дал ему ото всего сердца полную характеристику. Но только несколько не выражался. Я потом этих женщин спрашивал, выражался я или не выражался. Говорят: «Несколько даже не выражался, а давал Черепанову ясную характеристику». Шапкой по столу, действительно, ударил, потому что на политической почве сердце у меня заходило. А что лампа на штаны и пиджак упала, у меня такой цели не могло быть. Так что этот его иск, чтобы уплатить ему за штаны и пиджак, которые частично сгорели, я, товарищи судьи, несколько не признаю. Пускай он не встречается в трепещущий разговор и не задевает сердце колхозного человека.

А. КОЛОСОВ

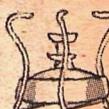
ВЕСЕННИЙ БАЗАР

НОВОСТЬ

КАРМАННЫЕ
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
С ПИТАНИЕМ
ОТ
ЭЛЕКТРО-СЕТИ

ПРИМУСЫ
и
КЕРОСИНКИ

ТРЕБУЙТЕ

ВО ВСЕХ МА

ЖАЛОБНУЮ КН
ОБ ОТСУТСТВ

— Эта скульптура Афродиты, богини, возникшей из морской пены.

— Подумаешь, чудо! У моего приятеля из пивной пены целая дача возникла.

— Купите приемник. Замечательный.
— Враки! Я его вчера слушал. Скучнейшая передача.

— В этом киоске продают мою книгу!
— А в каком киоске ее покупают?

— Но ведь этот нож совсем не режет! Для чего же он годится?
— Для подарка.

— Антипятноль есть?
— Вам для сукна или для шолка?
— Для бумаги. Мне тут из анкеты одно пятнышко вывести надо.

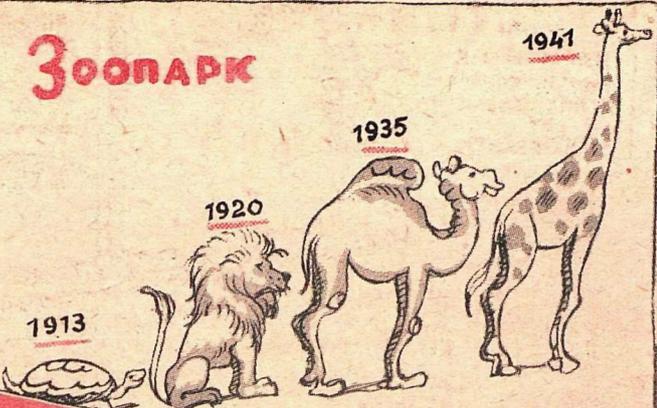
— Глянь-ка, Маруся попалась! При переходе через площадь ее задержал милиционер.

— Эх, к нам бы его! Хоть один человек в учреждении будет, у которого работа блестящая.

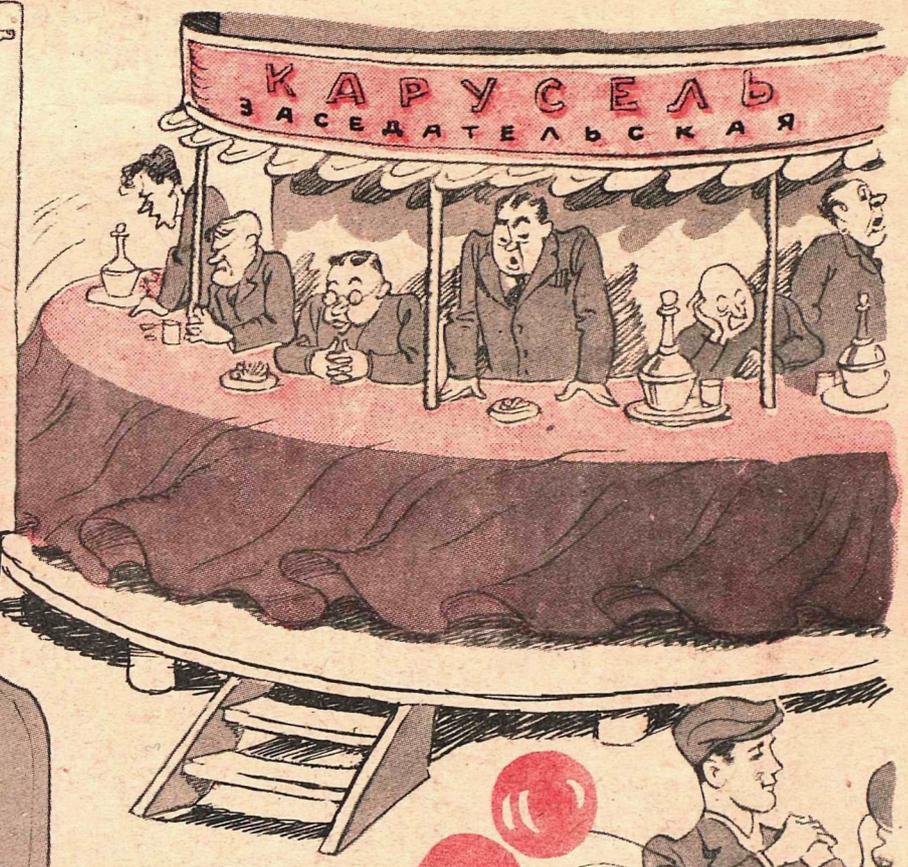

МАШИНАХ
ИГРУ И ПИШИТЕ
И ИХ В ПРОДАЖЕ

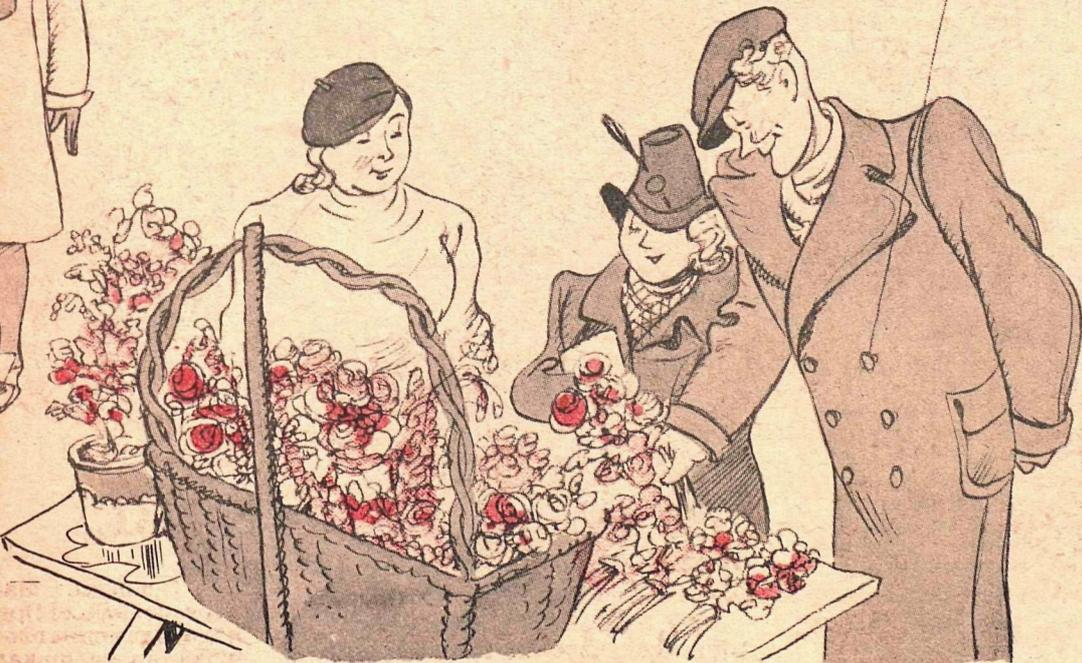
Зоопарк

ПОКАЗАТЕЛИ
РОСТА

— Смотри, вот чудо!
Автомат исправлен!

ОН: — Вам единственной мои первые цветы! Сколько с меня?
ПРОДАВЩИЦА: — Розы вообще по три рубля, но как вы сегодня в пятый раз, давайте по два с полтиной.

Вар. Ершов-41.

—МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ—

Иллюстрации Ю. Ганфа

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Издательство «Все в прошлом» обратилось ко мне с просьбой написать воспоминания. По сведениям издательства я в молодости будто бы проживал в одном доме с престарелым внуком покойного писателя Лажечникова.

Сначала я отказывался, считая сие непосильным для себя трудом. Но впоследствии прочитав несколько мемуарных книжек и пришел к убеждению, что для сочинения воспоминаний пригоден всякий мало-мальски трудоспособный человек.

Недолго думая, я и написал. О внуке покойного талантливого писателя Лажечникова я ни слова не сказал, потому что никак не могу вспомнить, действительно ли я встречал его. А посему я слегка коснулся лишь собственных ближайших родственников, их славных деяний и благородных поступков.

Не смею утверждать, но кажется, что получилось не хуже, чем у других авторов мемуаров.

С приветом
(подпись неразборчива)

МОЙ ДЕД

Б туманный предраусветный час по Караибскому морю, вблизи Антильских островов, шел бриг «Три святителя», держа курс на Гондурас.

На капитанском мостике стоял высокий старик. На его волевым загорелом от морских ветров лице выделялись седые лохматые усы и молодые, искрящиеся смехом глаза.

Старый капитан зорко всматривался туда, где горизонт смыкается с бескрайним водным простором, где волны ласкают небесную синеву.

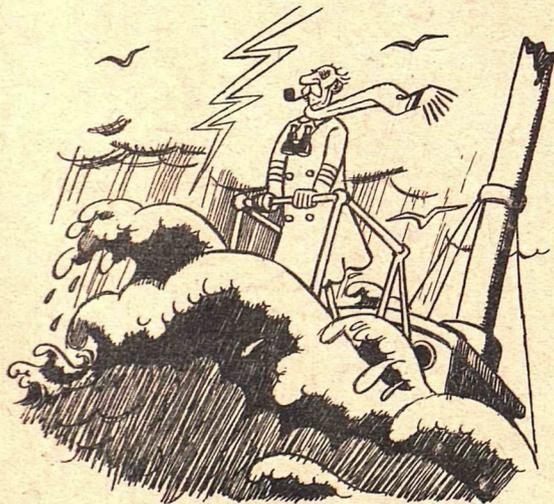
И вдруг легкая тень легла на лицо старика. Он увидел на небе плывущую из Юкатана маленькую черную тучку. Старый морской волк знал, что сулит в этих местах появление этой мрачной гостьи.

Тучка стала быстро расти, застилая все пространство. Море взревело от страха. Вскипевшие волны шумно ударили по бортам брига «Три святителя», залив палубу. Судно, точно скорлупа, запрыгало по седым гребням волн, и, казалось, вот-вот оно опрокинется и пойдет ко дну.

Но ни один мускул не дрогнул на мужественном лице старого капитана. Ровным, спокойным голосом он продолжал отдавать приказание своим помощникам, вселяя в них силу и бодрость в борьбе с разбушевавшейся стихией.

Вдруг... Как часто приходится употреблять это слово, описывая Караибское море!

Вдруг раздался неимоверной силы треск. Судно, брошенное в сторону, наскочило на риф, которыми так богато дно этого беспо-

...Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице старого капитана.

койного моря. Через пробойны ринулась вода. Бриг начал тонуть. С перекошенными от ужаса лицами заматались люди.

На капитанском мостике стоял высокий старик с седыми лохматыми усами и молодыми глазами. Ни один мускул не дрогнул... Тяжело об этом вспоминать.

Так погиб отважный капитан брига «Три святителя».

Прошли годы. Однажды, это было в Кременчуге, я сидел у моего дедушки Кузьмы и, глядя на него, почему-то вспомнил старого капитана, потонувшего в Караибском море, вблизи Антильских островов.

Я глядел на дедушку и думал:
«Как он непохож на того капитана! Ну, совершенно ничего общего!..»

МОЯ БАБУШКА

Теперь уже точно установлено, что французская королева, жена Людовика XVI, Мария-Антуанетта, была казнена 16 октября 1793 года.

А на следующий день, то есть 17 октября 1793 года, ее племянница Луиза бежала с шумевшим в свое время графом Шамбор в Шотландию, в родовый замок графа.

Проездом через Ла-Манш граф простудился — в ту пору стояли холодные, ветренные дни, — схватил насморк и, не доехав до островов, тихо скончался от гриппозного осложнения.

Безутешная Луиза, приехав в Шотландию, вскоре вышла замуж за сына одного из приближенных шотландского короля Якова VI. От этого брака родилась дочь Эльвира, которая впоследствии вышла замуж за итальянского посла, маркиза Карнетто.

Старший сын маркиза Карнетто, Лучио, подделав векселя, бежал в Севилью, где сошелся с баронессой Дорн, обокрал ее и уехал в Лиссабон. Здесь он остепенился, зажил тихой жизнью. Говорят, что это не обошлось без влияния его жены, дочери одного скромного португальского нотариуса.

Их дочь Марго, известная в то время красавица, вышла замуж за венецианского negociанта. Брак был неудачен: negociант обанкротился, расстроился и умер.

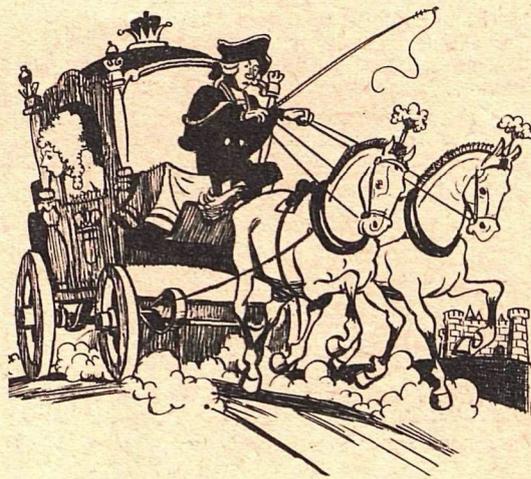
Марго, получившая в детстве религиозное воспитание, сошлась вскоре с одним папским нунцием. В связи с этим у нее однажды родился побочный сын, которому при крещении в церкви св. Варфоломея дано было имя Карл.

Внук этого Карла при Бироне переехал в Россию и поселился в Петербурге, на Литейной. У него служил кучером Иван Федосеич Корнеев, человек трезвый и степенный.

У Ивана Федосеича Корнеева была сестра Анисья. Ее внук Василий Корнеев, маляр, жил

в городе Лохвица, на Садовой улице, дом № 17.

А как раз напротив, в доме № 18, провела свои девичьи годы моя бабушка Лукерья.

...Ее племянница Луиза бежала с шумевшим в свое время графом Шамбор в Шотландию.

МОЙ ОТЕЦ

тец служил при двух императорах: при Александре III и Николае II.

По отзывам современников, это был удивительно скромный человек. И, даже будучи военным, он чурался всякой мишуры и шума великосветской жизни.

В ту пору часто устраивались придворные балы как в Петербурге, в Зимнем, так и в Царскосельском дворце. Там выставляли напоказ свои андреевские ленты и золотые ордена всякие Гагарины, Вяземские, Олсуфьевы. Моего отца там не было видно.

...Там выставляли напоказ свои андреевские ленты и золотые ордена всякие Гагарины, Вяземские, Олсуфьевы.

Более того: он ни разу (это я заявляю со всей категоричностью!) не был ни в одном из царских дворцов.

Это был неутомимый труженик. Он служил в Орле, в 33-м пехотном полку, в нестроевой роте, занимая малозаметный пост — помощника ротного кашевара.

Выйдя в отставку, он женился.

Есть все основания предполагать, что этот факт — не отставка, а женитьба — проливает некоторый свет на мое происхождение.

МОЯ МАТЬ

Ватрудняюсь давать о ней какие-нибудь подробные сведения. Дело в том, что до своего замужества моя мать жила в деревне Песчанках. А я в Песчанках никогда не был. А непроверенными фактами оперировать не люблю.

Единственно, что могу сказать: это была женщина тихая, трудолюбивая. И к тому же очень любознательная. То и дело с ее языка слетали слова «зачем», «почему».

Так например, глядя на меня, она не раз с грустью спрашивала:

— И зачем я тебя такого родила?

МОЙ ДЯДЯ ЯКОВ

Брат моего отца дядя Яков унаследовал черту характера, столь свойственную нашей фамилии,— то есть скромность.

Он всегда любил оставаться в тени. И это о нем однажды в газете «Южный край» была напечатана заметка в хронике:

«Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, было подобрано вчера в нетрезвом виде на городском бульваре».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Хвалить приятней, чем ругать.

Вот почему так легко сочинять мемуары и автобиографии.

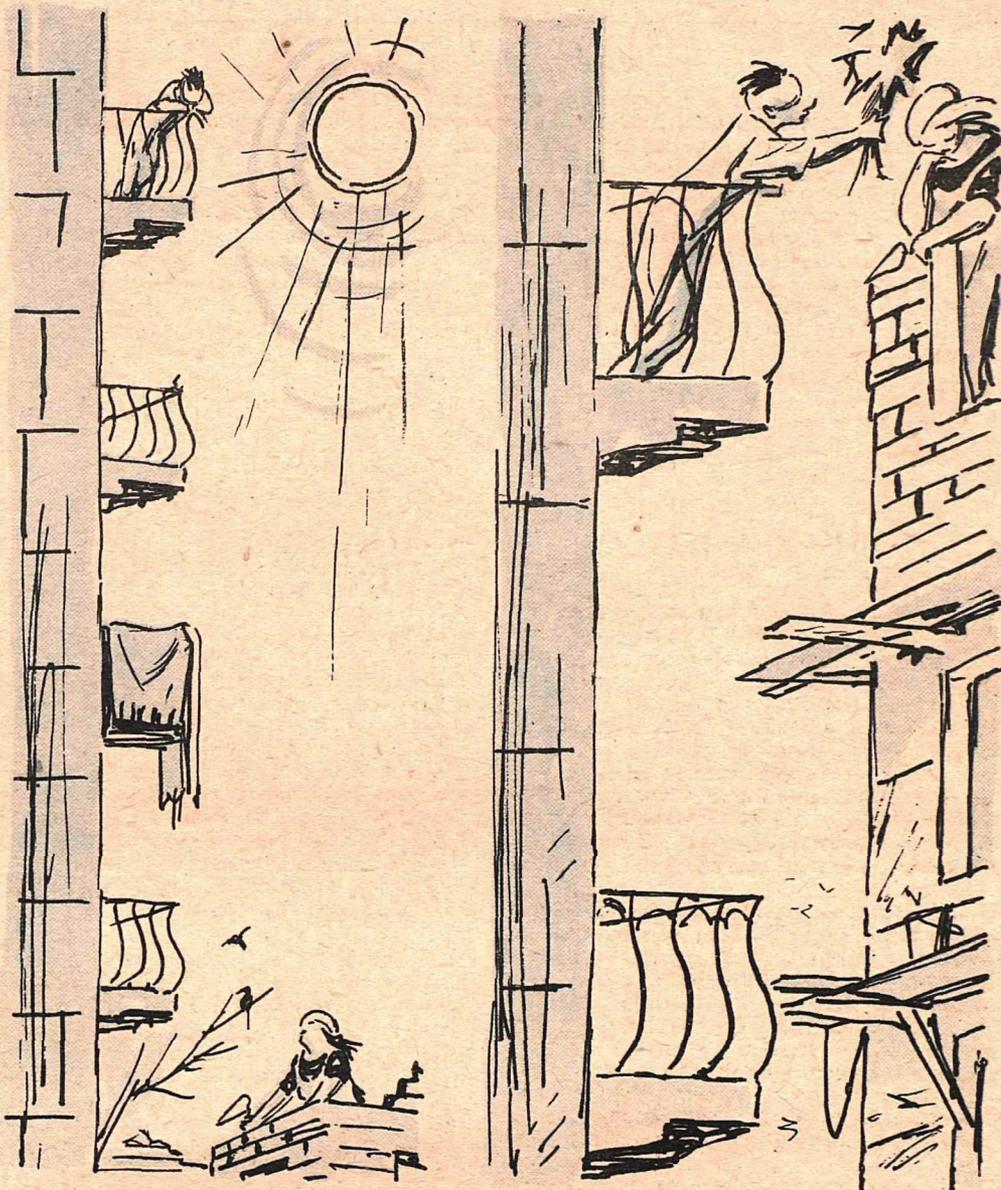
Но из присущей мне скромности — опять-таки фамильная черта! — я лишен возможности описывать свои замечательные поступки. Тем более, что это заняло бы много места.

А посему умолкаю и ставлю точку.

Г. РЫКЛИН

ЛЮБОВЬ И ТЕМПЫ

Рис. Л. Сойфергиса

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗ'ЕЗД

Рис. В. Медведева

— Машину стахановцев фабрики имени Ильича — к под'езду! Машину колхоза „Путь Октября“! Машину...

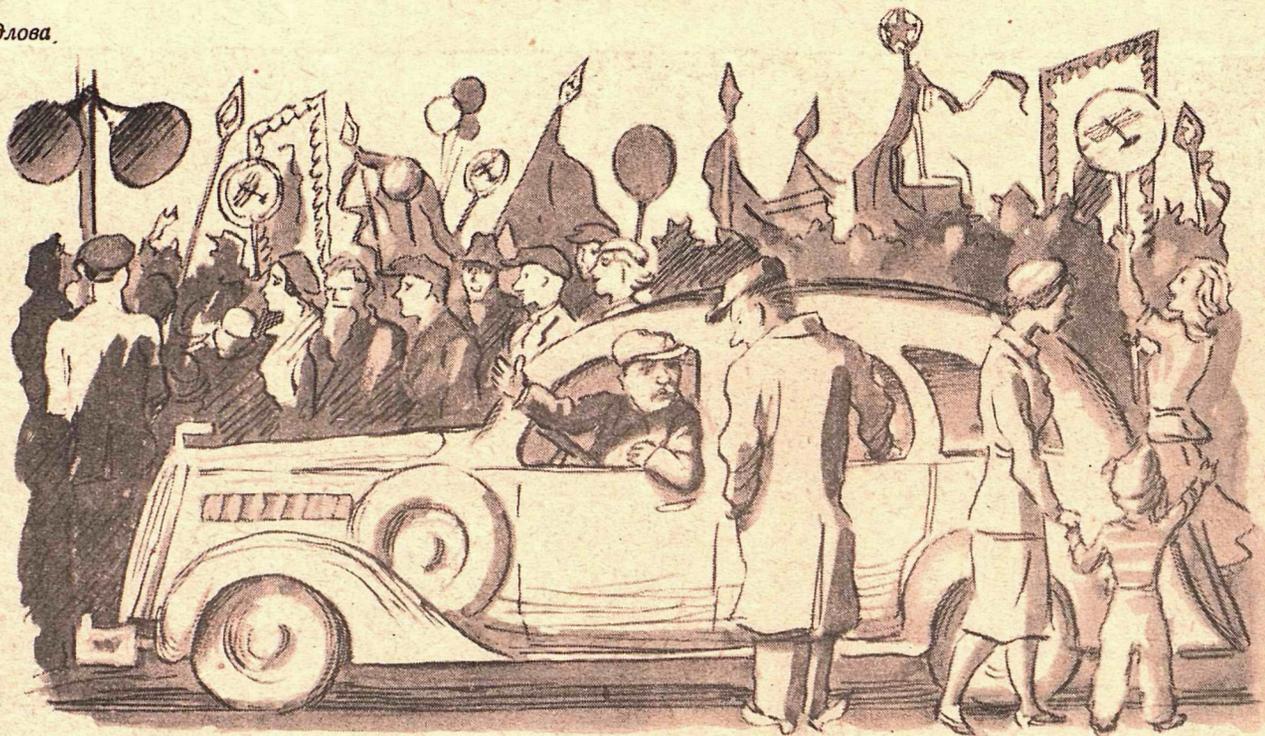
В понедельник он ее увидел впервые...

А в субботу уже состоялось первое свидание.

Песенка

На базаре в Балте нашей
Молдаванка у лотка
Угощала простоквашей
Пехотинца-паренька.
Угощала, улыбалась,
Руки смуглые скрестив,
И лукаво напевала
Легкий девичий мотив:
«По Молдавии богатой
Шел со службы на восток
Симпатичный,
Неженатый,
Развеселый паренек...»
Голубей базарных стая
Закружилась у лотка.
Эта песенка простая
Взволновала паренька.
Облака качались пьяно...
Пехотинец —
Кто б видал —
Пил,

А сам поверх стакана
За молодой наблюдал.
И когда пошла на убыль
Песня — девичья душа,
Пехотинец вытер губы
И промолвил:
— Хо-ро-ша!
Знать, она недаром пела,
И недаром, может быть,
Паренька она сумела
Простоквашей
Покормить.
Пусть летит побаска-слава
По базару про него.
А на самом деле, право,
Не случилось ничего.
Это просто в Балте нашей
Молдаванка у лотка
Угощала простоквашей
Пехотинца-паренька.
АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

— Ну что ж вы не едете?
— Боюсь, задавят.

Из рижского блокнота

1. ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ ЗЕМЛИ

В МЕСТНЫЙ сатирический журнал «Рижский Крокодил» я написал маленький юмористический рассказ о биржевике-спекулянте, который бежал от Красной Армии из Львова, потом из Кишинева и, наконец, добрался до Риги и здесь опять-таки встретил Красную Армию.

Хотя такая ситуация и могла быть, все же героя своего рассказа я целиком выдумал.

Дня через три ко мне в комнату вошел — нет, не вошел, а вскользнул — человек маленького роста. Он очень долго извинялся за беспокойство, которое он мне причиняет:

— Премного, весьма премного я извиняюсь. Я бы никогда не решился отрывать вас от государственной работы, но, извините меня премного, речь идет о жизни человека. Извините премного, речь идет именно о моей жизни.

Спрашиваю: что с ним случилось?

— Вы пропечатали меня в местной сатире... Нет, нет, не возражайте... Я вас понимаю. На вашем месте я сделал бы то же самое и даже не изменил бы фамилию. Это действительно смешно — бегать по всему миру от красных. Но кому смешно, а кому и тошно.

Я попытался прервать все эти признания, но это было безнадежно. Посепитель продолжал:

— Конечно, вы в вашей сатире расписали меня слишком ярко, но ничего, я знаю вашего брата. Но против одного тезиса я должен возразить и просить вашей помощи. Вот!.. Вы написали здесь, что будто бы в Кишиневе я открыл фантастическую контору по продаже трансильванских земель. Вы человек не торговый, и вы не знаете, что это значит. На трансильванских землях работали могучие люди коммерции. У этих людей все министры — двоюродные братья. И вот, вы представьте теперь, они прочитают вашу сатиру. И что они сделают? Они скажут кому надо: найти немедленно этого жулика и взыскать с него понесенные нами убытки! Вот я и прошу вас, если они меня припрут к стене, вы, пожалуйста, дайте нотариусу заявление, что данная история, так сказать, — плод талантливой фантазии...

Я пообещал ему, что в случае если с ним на базе трансильванских земель случится беда, пусть немедленно приходит ко мне и я его выручу.

2. ДАМА, КОТОРАЯ ОБМИШУРИЛАСЬ...

ЖИВЕТ в Риге одна мадам. Живет давно, с самого 1917 года. А до этого мадам жила в Петрограде, где располагала мужем-генералом «при дворе» и особняком не то на Фонтанке, не то на Невском.

В оценке революции мадам целиком сошлась со своим бравым супругом, и они, захватив ценности, как говорят моряки, «отдали концы» и затем «пришвартовались» в Риге. Но бравый генерал долго не смог усидеть в этом городе. И вот генерал присягнул на верную службу «спасителю России» Юденичу и отправился в поход на красный Петроград, вырвать, так сказать, свое имущество.

Как известно, из этого ничего не вышло. Генерал вернулся в Ригу. Прямо удивительно, как он добрался до Риги: уж очень сильно потрепала генерала гражданская война. В одну свою буйную голову генерал умудрился получить две раны, но не смертельные. Однако, надо отдать справедливость, впоследствии эти раны сделали свое дело и помешали генералу продолжить начатое им дело по военному обучению остатков белополицейщины, собравшихся в Риге. Генерал отдал богу свою неспокойную душу, оставив человечеству свою одинокую супругу.

Когда в эмиграции умерла знаменитая русская балерина Павлова, мадам вспомнила, что звезда балета однажды опобедала в их петербургском особняке, и выступила по этому поводу с пространными воспоминаниями, из которых можно было заключить, что покойной балерине никогда бы не достичь славы, если бы не ее знакомство с генеральшей.

После этого мадам прочно входит в мир искусств. Особенно в русский театр.

И вот случается такая история... Русский театр поставил советскую пьесу. Театр вместе с цензорами сделали все, чтобы пьесу искоренить. Герои пьесы должны были ходить по сцене в отряпях и говорить, как подобает «зверям-большевикам». Короче говоря, пьеса перестала быть советской. Но произошел один казус. Художник поздно сдал декорации, а когда сдал, оказалось, что он написал хорошие, честные декорации. Афиши уже расклеены, и переделывать их некогда. Дирекция прямо взбесилась, цензоры бросились писать докладные в охранку, а художник скромно отвечал, что не знал установки, извиняется...

И занавес открылся. Зрители увидели веселую, солнечную панораму советского курорта,

где разворачивались события первого действия. Те зрители, которые сидели на галерке, неожиданно захолопали, чем ввергли дежурных шпиков по театру в омятение.

Кончается первое действие, и опять галерочная публика аплодирует художнику. Но он не дурак, чтобы вставать и кланяться, — сидит себе спокойно. Но в этот момент к нему подходит мадам.

— Как вам не стыдно, — говорит она ему, — так разукрасить большевистские дела? (Художник молчит.) Семья Романовых не имела таких дворцов, какие вы нарисовали для большевиков! Вы пытаетесь нам доказать, что там у них все хорошо и красиво! (Художник молчит.) Вам, видно, не дорога ваша карьера? Я этого так не оставлю! Я пойду в министерство!

...После этого прошло немного времени, меньше года. Но за этот малый срок произошли большие перемены. Русский театр перестал калечить советские пьесы, мадам перестала получать приглашения... В Риге, во всей Латвии установилась советская власть.

Сколько могла, мадам терпела, а потом решила возобновить активную деятельность. Мне пришлось быть свидетелем ее первой атаки. Я сидел в кабинете начальника республиканского управления по делам искусств. Мы беседовали с ним о предстоящей в Москве декаде латышского искусства. Входит его испуганная секретарша и говорит:

— Товарищ начальник, вас просит к аппарату одна дама... Она на меня кричала, заявила, что я антисоветский элемент...

Начальник взял телефонную трубку. Вот что он услышал:

— Товарищ начальник, добрый день. С вами говорит такая-то. Ах, вы меня знаете? Очень приятно! Вы знаете, я до сих пор не имею работы. В наши новые, советские дни так хочется работать и работать, и вдруг, как и при старом режиме, мне, русской, нет работы.

Начальник ответил:

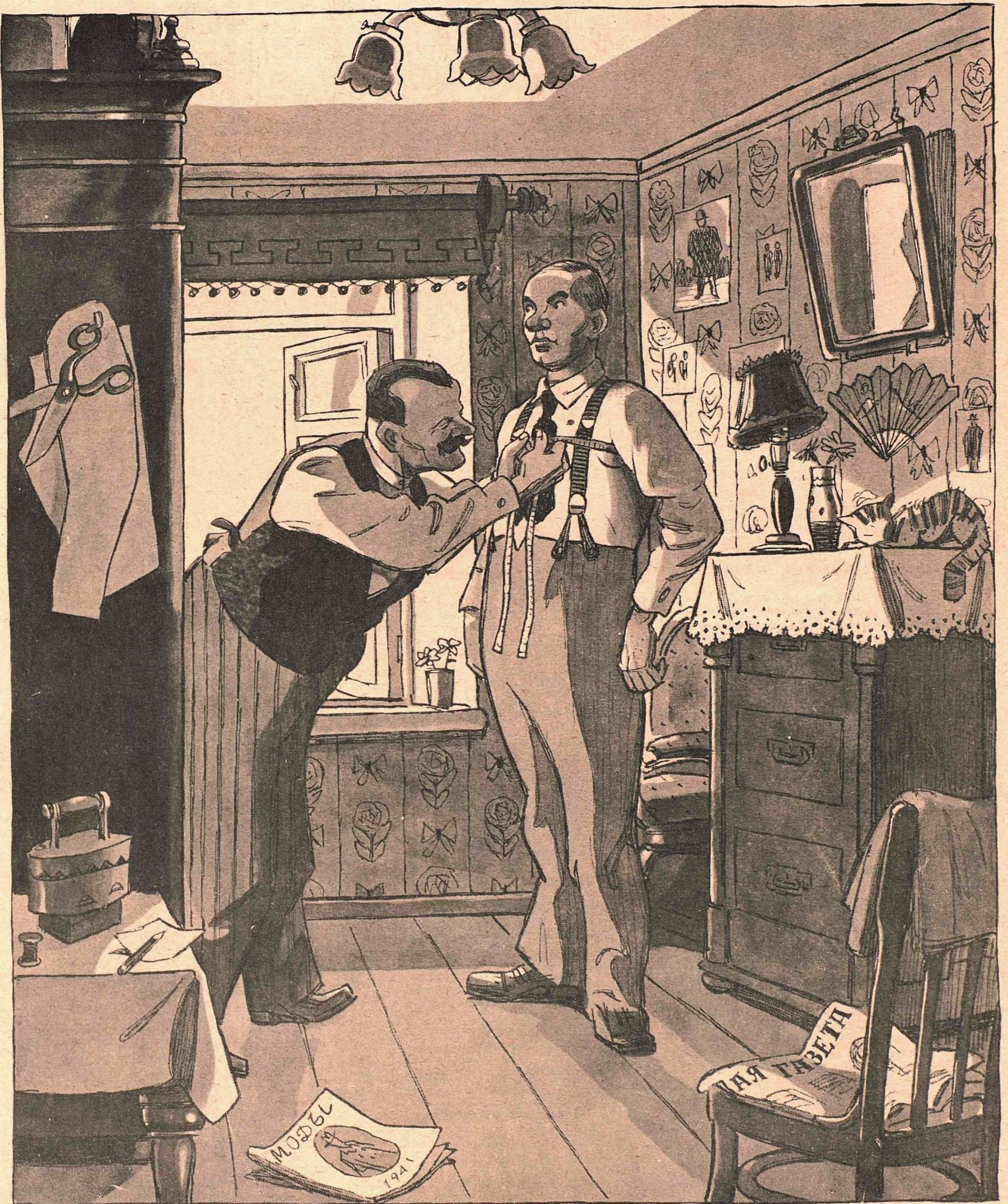
— Напрасно себя затруднили. Я слишком хорошо знаю вас. И я удивляюсь вашей наглости звонить мне и говорить о вашей радости по поводу советской власти...

И начальник повесил трубку. Мадам, оказывается, не читала газет и не знала, что начальником управления по делам искусств работает тот самый художник, на карьере которого она однажды покучалась...

В. АРДАМАТСКИЙ

У ПОРТНОГО
(Случай с одним редактором)

Рис. Ю. Ганфа

— Да-с, товарищ редактор, если правду говорить, — материалец-то у вас sereneйкий, перелицован из старья, скроен наспех, приглажен до лоску, шит на живую нитку, спусть рукава... Никуда это не годится. Пороть надо!

С П О С О Л Н А Х О Д О К

Рис. А. Баженова

— Смотри: вот и нашу улицу озеленили.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ ТОМ (Библиотечная элегия)

С предисловием, с эпилогом По читательским дорогам Загагал почтенный том. Много чтва было в нем.

Тяжело сплелись условия: Мыши с'ели предисловье, Десять глав сжевал щенок, Десять глав порвал сынок.

Относились неучтиво — В томе стало мало чтва, А уют нещадно сжег Весь до слова эпилог.

Все погибло. Зачиталось. И осталась только малость, Поглядеть берет тоска: Три верхка от корешка!

ПО СТАНДАРТУ

Секретарь директора ведет книгу приказов. Он привык писать только выговоры. Вдруг получает приказание объявить особую благодарность. Он пишет: «Мною замечено, что тов. Иванов неоднократно являлся на работу в трезвом виде, к обязанностям относится нехалатно, а поэтому объявляю ему строгую благодарность с последним предупреждением».

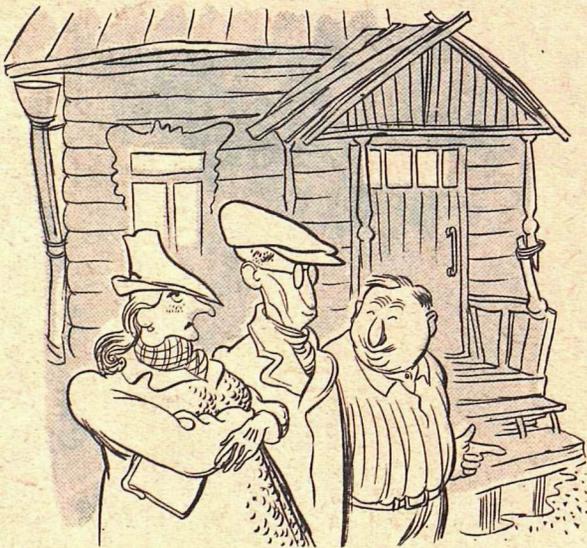
ПЕСНЯ О МАЙКЕ

Ты ответ скорей мне дай-ка: К нам ты выйдешь в мае, «майка»? Не оставь вопрос мой втуне: Может, выйдешь ты в июне? Будешь горестно пытаться Ты «июнькой» называться? Майку я не воспою ли, Как «июльку», лишь в июле? Или в августе, как птица, Майка «августкой» примчится? Ты нужна нам в мае, «майка», Так смотри ж, не опоздай-ка!

ТО, ДА НЕ ТО

— Я слышал, что Семена Петровича освободили от работы.
— Не от работы, а от должности. А от работы он уже давно сам себя освободил.

Рис. Н. Лиса

— Дачка ничего, вот только веранда неважная.
— Насчет веранды не беспокойтесь: я ее другому дачнику сдал.

ПЛОДЫ РАЗМЫШЛЕНИЯ ИГНАТА КИСЕЛЯ

Говорящее письмо тем ценно, что в нем не видно орфографических ошибок.

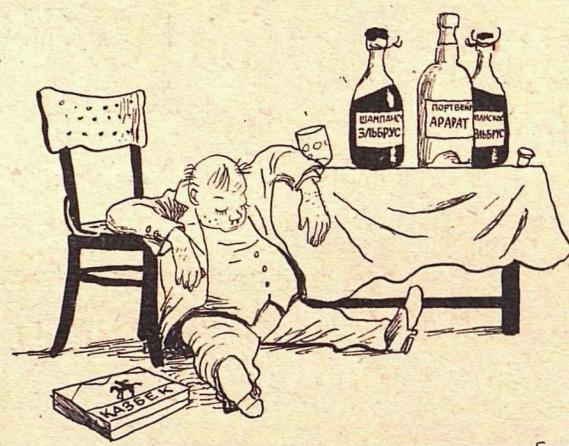
Случается, что и в бюро справок можно изолучить справку.

В отличие от языка в томате язык болтуна можно назвать: «Язык в автомате».

Небезынтересно установить происхождение бочки Диогена: была ли она изготовлена местной промышленностью или пришлось ее выписывать из центра?

Перемывая косточки своих знакомых, не воображай, что борешься за чистоту.

Рис. Егана

Альпинизм на дому.

СТИХИ В АЛЬБОМ ТРЕСТУ ОЧИСТКИ

Поэт печально произносит, В лужицу лужицу смотрясь: — Как жаль, что нам весна приносит Не только розы, но и грязь!

МОСМИНВОДУ

Лед тронулся! Могучий ле- доход! Кто этот вид чарующий забудет? Прекрасный лед! Ужель он так пройдет И... в сатураторах не будет?!

ДЕТИЗДАТУ

Дремлешь ты, закрывши глазки, — Нам прискучил этот стиль. Я молю предать огласке Весть о том, что выйдут сказки. Это сказки или бль?

ХАЛТУРЩИКУ

О пользе утиля ты создал стихи (Труды да не будут напрасны). Они, как стихи, безусловно, плохи, Зато, как утиль, — прекрасны.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕАТРАЛЬНОМУ СПРАВОЧНИКУ

Уперетта. Не смешивать с опереттой. Упереттой называется опереточная новинка со знакомыми мотивами, заимствованными из патефона.

НА ЭКЗАМЕНЕ

— Скажите: в каком из своих знаменитых сражений погиб шведский король Карл?
— Вероятно, в последнем.

ИЗ РЕЦЕНЗИИ

...Как всегда блестяще танцевала Суслова, чего нельзя сказать о декорациях.

ДОРОГО, ДА МИЛО

— На портфеле вашего мужа я заметила серебряную дощечку с надписью «Дорогому начальнику в знак восторга и благодарности». Это у него откуда?
— Из Ленинграда. Там он руководил конторой.
— Замечательная надпись! Видимо, прекрасный работник?
— Да. Хороший. Лучший гравер в городе. Но дорого взял. Мы ему 200 рублей заплатили.

СКОВОРОДКА

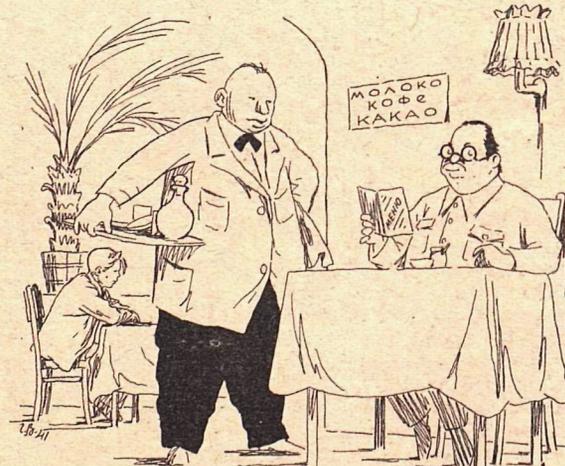
— Я сегодня купила чудесную сковородку за два рубля.
— Почему же ты не купила несколько?
— А зачем мне несколько?
— Ведь за ними очередь?
— Никакой.
— Тогда зачем ты вообще купила?

ГЕКСАМЕТР

Подвиг свершил Геркулес, очистив конюшни от грязи. Авгий его наградить щедро за то приказал. Но спасовал наш герой при виде двора заводского: Новое чудо свершить сил не хватило его.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Рис. Г. Валька

— Молока, пожалуйста.
— Стопку или графинчик?

Таланты и поклонники

На приятные темы

В МАЙСКИЕ дни тянет говорить всем только приятные вещи, никого не стремишься обижать и даже критику. В Эрмансу хочется простить его статьи о цирке и эстраде...

Давайте же, товарищи, побеседуем о радостях, удачах, хороших пьесах, чудных актерах и прочих удовольствиях, которые падают на долю талантов и поклонников.

— Вы были в стереоскопическом кино?

— Был...

— Ну и как?

— Ушел оттуда с болью шейного позвонка, с уставшими глазами и с чудным сознанием того, что сейчас сидел у колыбели новорожденного, который скоро покорит мир...

И удовлетворенный зритель, захлебываясь, рассказал о стереочудесах волшебника Иванова.

Второй зритель почесал за ухом:

— А вот в руководстве «Как смотреть стереофильм» написано, что если не примешь «правильную позу», то попадешь в «зону псевдоскопии» и будешь испытывать «неприятное ощущение в глазах».

— А кто вам мешает занять правильную позу?

— Да, конечно... Но все-таки... Идешь в кино, платишь деньги и вдруг какие-то «неприятные ощущения»...

Первый обиделся:

— Лично я испытал громадное наслаждение... Кстати, недавно я был в кино... Не в стереоскопическом, а в самом обыкновенном кино, где смотрел самый обыкновенный фильм «Концерт-вальс» режиссеров Дубсона и Трауберга... И какие я только правильные позы ни принимал, все равно, испытывал главным образом неприятные ощущения...

Однако пора, товарищи, переменить тему:

— Ну, а в театрах вы бывали в последнее время?

— Бывал...

— Марецкую в «Машеньке» видели?

— С трудом достал билет... Вот, действительно, прелестная артистка! Какое искусство перевоплощения! Когда смотришь на этого угловатого подростка с торчащими косичками, не верится, что это игра, что это не девочка из пионерского отряда, а заслуженная артистка...

— Правильно!.. Хочется подойти к рампе и крикнуть: «Ты почему так поздно не спишь, скверная девочка! Марш сейчас же домой! Дети до шестнадцати лет на вечерние спектакли не допускаются...»

Находившийся поблизости директор театра Моссовета тов. Александрова всполошилась:

— Вы, что—с ума сошли?! Не пускать «Машеньку» на вечерние спектакли?! Да вы знаете, какие у нас аншлаги?

— Я же это в шутку...

— В шутку!.. Такими вещами не шутят, гражданин. Мы «Машеньку» пускаем и на вечерние, и на дневные, и на выездные...

Мы шумно зааплодировали:

— Правильно, товарищ директор! Артистка должна играть, а не пятнадцать лет ожи-

дать «смотре молодежи». Вообще наш театр в этом сезоне, честное слово, здорово поднялся...

В майские дни тянет говорить всем только приятные вещи, никого не стремишься обижать и даже директору театра хочется сказать несколько ласковых слов, вместо того чтобы обругать его за контрамарки и перерасход.

— Кроме «Машеньки» вы еще что-нибудь смотрели в последнее время?

— Да-а... Видел «Волки и овцы» в Малом, таджикский балет «Две розы», «Тараса Бульбу» в Большом, «Обманутый обманщик» Шеридана в Камерном...

— Как вам понравился «Обманутый обманщик»?

— Видите ли... Гм... Как бы вам сказать... В общем эта тема не для майского фельетона...

— Ага, понимаю...

Много приятного хочется сказать циркачам по поводу их последней программы. Есть еще порох в пороховницах! Особенно понравились публике клоуны Антонов и Бертенев, которые блеснули настоящей буфонной клоунадой с традиционными пинками и крепкой шуткой.

— Позвольте! Ведь эту клоунаду разругали последними словами...

— За что?

— Как раз за эти пинки. Дескать, грубо, дескать, все время дерутся, обсыпают друг друга мукой, обливают водой, швыряются пирожными... Словом, безобразие...

— А что же буфонные клоуны должны делать?.. Читать вслух «Капитанскую дочку»?.. Петь арию из «Аиды»?..

Поскольку мы условились говорить вам только приятные вещи, не будем углублять эту тему...

Отложим до следующего номера.

ЕВГ. БЕРМОНТ.

НА БАЛЕТЕ «ТАРАС БУЛЬБА» В ГАБТ

Рис. В. Горяева

ТАРАС БУЛЬБА (Л. Лаццилин) ОСТАПУ (К. Сергееву): „—А повернись-на, сын! Экий ты смешной какой!“

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во „Правда“

Рукописи не возвращаются

А 37831. Москва. Изд. № 431.

Подписано к печати 18/IV 1941 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1320. Тираж 271 000 экз.

Рис. Л. Генча

— Ребята, тише! Сейчас приехавший из бывшей Заграницы сын латвийского рабочего Вилли Райтис выступит с личными воспоминаниями о капитализме.